

Е.П. Блаватская

ОБ АВТОРИТЕТАХ ВООБЩЕ, И АВТОРИТЕТЕ МАТЕРИАЛИСТОВ В ЧАСТНОСТИ

Поставив перед собой задачу противостоять "авторитетам" и опровергать время от времени прочно устоявшиеся мнения и гипотезы людей науки, мы считаем необходимым с самого начала четко обозначить нашу позицию из-за многократных обвинений, которым мы подвергаемся. Хотя никакая критика и никакие насмешки не могут смутить нас, если они касаются истинности наших доктрин, тем не менее, мы не хотели бы дать нашим врагам еще один повод для избиения невинных младенцев; равным образом мы бы не хотели возбудить в наших друзьях какое-либо несправедливое подозрение в том, что мы по меньшей мере не готовы признать свою вину.

Одним из таких подозрений, естественно, могла бы быть идея о том, что мы в высшей степени самонадеянны и тщеславны. Это было бы ложью от А до Я. Если мы противоречим в каких-то вопросах выдающимся профессорам науки, это вовсе не значит, что тем самым мы утверждаем, что знаем о науке больше, чем они; более того, что мы столь самонадеянны, что помещаем себя на тот же уровень, на котором находятся эти ученые. Те, кто обвинил бы нас в этом, говорили бы очевидную бессмыслицу, и даже для появления такой мысли понадобилось бы безумное тщеславие -- а мы никогда не были повинны в этом грехе. Таким образом, мы громогласно заявляем всем нашим читателям, что большинство этих "авторитетов", у которых мы находим ошибки, по нашему собственному мнению занимают гораздо более высокое положение в области научного знания и общей информированности, чем мы сами. Но, признавая это, мы напоминаем читателю, что обладание большой ученостью никоим образом не избавляет от крупных предубеждений и предрассудков; оно не является также гарантией против личной суетности и гордыни. Физик может быть бесспорным экспертом в акустике, в волновых колебаниях и т. д., и в то же время вовсе не быть музыкантом и не иметь музыкального слуха. Никто из современных сапожников не может писать так, как граф Лев Толстой; но любой новичок в сапожном ремесле может обвинить великого романиста в том, что он погубил хороший материал, пытаясь изготовить ботинки. Кроме того, мы подвергаем резкой критике современную науку, только пытаюсь защитить законным образом наши освященные веками теософские доктрины, которым многие противостоят исходя из авторитета материалистических ученых, полностью игнорирующих психические способности и осуждающих древнюю мудрость и ее адептов. Если в своем тщеславном и слепом материализме они будут настаивать на том, что они не знают и не хотят знать, тогда те, кто знает что-то, имеют полное право противостоять и говорить об этом в устных выступлениях и в печати.

Многие, должно быть, слышали об остроумном ответе, сделанном любителем Платона некоему критику Томаса Тэйлора, переводчика трудов этого великого мудреца. Тэйлора обвинили в том, что он небольшой знаток греческого языка, и не очень хороший английский писатель. "Да",-- был дерзкий ответ,-- "Том Тэйлор возможно знает греческий хуже, чем его критики, но он знает Платона намного лучше, чем любой из них". Такова же и наша собственная позиция.

Мы не настаиваем на своей учености ни в древних, ни в живых языках, и мы не вносим свой вклад в филологию, как это делает современная наука. Но мы настаиваем на том, что понимаем истинный дух философии Платона, и символический смысл трудов этого великого посвященного лучше, чем его современные переводчики, и по очень простой причине. Иерофанты и посвященные мистерий в тайных школах, в которых обучали всем

Наукам, недоступным и бесполезным для невежественных масс, имели один универсальный эзотерический язык -- язык символов и аллегорий. Это язык не претерпел никаких изменений или усложнений с тех давних времен и вплоть до наших дней. Он все еще существует, и ему все еще учат. Существуют люди, которые сохранили знание этого языка, а также тайный смысл мистерий; именно от этих Учителей автор настоящего протеста имел счастье научиться, хотя и весьма несовершенно, вышеупомянутому языку. Таким образом, я призываю к более правильному пониманию тайных частей древних текстов, написанных признанными посвященными,-- такими как Платон, Ямвлих, Пифагор и даже Плутарх,-- чем этого можно ожидать от тех, кто, ничего не зная об этом "языке", или даже полностью отрицая его существование, тем не менее выдвигает авторитарные и окончательные утверждения о том, что знали или не знали Платон и Пифагор, во что они верили или не верили. Этого недостаточно, чтобы опровергнуть дерзкое предположение о том, что "древнего философа следует интерпретировать, исходя из его самого [т. е. из мертвых текстов], а также из современной истории мысли" (профессор Джовитт); тот, кто опровергает это, должен прежде всего получить удовлетворение (не только от себя самого и своих почитателей, но от всех) от того, что современная мысль не будет столь рассеянной в философских вопросах, каковой она является в материалистической науке. Современная мысль отрицает наличие Божественного Духа в природе, и Божественного начала в человеке, бессмертие Души и какие-либо возвышенные представления, свойственные человеку. Все мы знаем, что в своих попытках убить то, что они, соглашаясь друг с другом, называют "предубеждениями" и "реликтами невежества" (читай "религиозные чувства и метафизические представления о Вселенной и Человеке"), материалисты, такие как профессор Гексли и м-р Грант Аллен, готовы на все, чтобы обеспечить триумф их убивающей душу науки. Но когда мы находим ученых, занимающихся греческим языком или санскритом, и докторов теологии, играющих на руку современной материалистической мысли, относящихся с презрением ко всему им не известному, или к тому, что публика (или скорее общество, которое всегда следует в своих побуждениях безумию моды, популярности или непопулярности) не одобряет, тогда мы имеем право предполагать одно из двух: ученые, которые действуют таким образом, руководствуются или личными амбициями, или страхом общественного мнения; они не осмеливаются выступить против него, рискуя стать непопулярными. В обоих случаях они утрачивают право на то, чтобы их рассматривали как авторитетов. Ибо, если они не видят фактов и являются искренними в своей слепоте, то их знания, сколь велики бы они ни были, принесут больше вреда, чем пользы; если же, полностью осознавая универсальные истины, которые древний мир знал лучше, чем мы -- хотя и выражал их более двусмысленным и менее научным языком -- наши философы все же скрывают их, панически боясь болезненно сверкающих глаз большинства, тогда пример, который они дают, наиболее пагубен. Они подавляют истину и искажают метафизические концепции так же, как их коллеги в физической науке искажают факты материальной природы, превращая их просто в опору для поддержки своих взглядов, соответствующих популярным гипотезам и учению Дарвина. А если это так, то какое право имеют они требовать уважительного выслушивания от тех, для кого Истина является самой высокой, самой благородной из всех религий?

Отрицание любого факта или утверждения, в которые верят огромные массы христиан и нехристиан,-- более того, факта, который невозможно опровергнуть,-- это слишком серьезно для человека с признанным научным авторитетом, поскольку это повлечет за собой неизбежные последствия. Отрицания и опровержения некоторых вещей, до сих пор считавшихся священными, которые делаются таким образом, столь же хорошо принимаются публикой, приученной уважать научные данные и папские буллы, как и неквалифицированные заявления. Подобный дух всеобщего отрицания,-- охватывающий такую широкую категорию, как агностицизм, или представленный лишь в виде личного

мнения,-- несет в себе угрозу для всего человечества, в особенности, если он сталкивается с универсальной верой всей античности, а также огромного количества восточных народов, которые являются истинными хозяевами того, что отрицается нашей наукой. Таким образом, отказ от признания Божественного Принципа Вселенной, Души и Духа в человеке и его Бессмертия одной группой ученых; отрицание любой эзотерической философии, существующей в древности, а именно: наличия какого-либо тайного значения, которое можно обнаружить путем изучения священных текстов Востока (в том числе Библии) или работ тех философов, которые были признанными посвященными,-- другой группой "авторитетов",-- все это просто фатально для человечества. Миллионы подрастающих поколений, очевидно, скоро окажутся в полной растерянности, находясь между миссионерской деятельностью, вдохновленной не столько религиозными, сколько политическими соображениями,* с одной стороны, и научным материализмом -- с другой, причем, оба они учат с диаметрально противоположных позиций тому, что нельзя ни доказать, ни опровергнуть, и что сами они принимают большей частью на основании слепой веры или гипотез. Они будут знать во что им верить и куда обратиться за истиной не больше, чем сейчас знают их родители. Таким образом, многим требуется сейчас более весомые аргументы, чем просто личные предположения или отрицания того, что та или иная вещь просто существует или не существует, делаемые религиозными фанатиками или неверующими материалистами.

Мы, теософы, кого не так легко поймать на крючок, наживкой на котором является спасение или уничтожение, мы заявляем наше право потребовать наиболее весомых и неопровержимых для нас доказательств тому, что истина находится в полном ведение науки и теологии. И поскольку мы не получаем никакого ответа, то мы заявляем о своем праве возражать или спорить по каждому нерешенному вопросу, анализируя предположения наших оппонентов. Мы, верящие в оккультизм и в древнюю эзотерическую философию, как уже говорилось выше, не просим наших членов верить точно так, как верим мы, и не обвиняем их в невежестве, если они этого не делают. Мы просто даем им возможность сделать свой выбор. Тем, кто решил изучать древнюю науку, предоставляются доказательства ее существования; и данные в пользу этого накапливаются и увеличиваются в количестве пропорционально личному прогрессу изучающего. Почему опровергатели древней науки -- то есть, современные ученые -- не делают то же самое в отношении своих отрицаний и утверждений; то есть, почему они не отказываются говорить "да" или "нет" о том, о чем они ничего не знают, вместо запрещения или утверждения а priori, как они это делают? Почему бы нашим ученым не объявить искренне и честно на весь мир, что большинство их представлений, например, относительно жизни, материи, эфира, атомов, и т. д., то есть сущностей, каждая из которых представляет для них необъяснимую загадку,-- это не научные факты и аксиомы, но просто "рабочие гипотезы"? Кроме того, с какой же это стати ни ориенталисты (хотя столь многие из них и являются "преподобными"), ни профессор греческого языка, доктор теологии и переводчик Платона, подобно профессору Джовитту, излагая свои личные взгляды о греческом мудреце, не упоминают о том, что есть другие ученые, не менее образованные, которые думают иначе? Это было бы вполне разумно в свете большого количества противоположных данных, охватывающих прошедшие тысячелетия. И это было бы более честно, чем повергать менее образованных, чем они сами, людей, и вводить их в серьезные заблуждения посредством гипнотического влияния "авторитета", и склоняя их, таким образом, к тому, чтобы принимать разнообразные эфемерные гипотезы как доказанные, хотя на самом деле они еще только требуют доказательства. Но "авторитеты" действуют различными способами. Как только какой-либо факт в природе или истории не соответствует, или противится тому, чтобы быть включенным в какую-либо из их личных гипотез, принятых в качестве религии или науки сонным большинством, то он тут же отрицается, объявляется "мифом", или же против него используются открытые Писания.

Именно по этим причинам теософия и ее оккультные доктрины пребывают в длительном конфликте с некоторыми учеными и теологами. Оставляя последних целиком за рамками данной статьи, мы обращаем наш протест в данный момент лишь к первым. Так, например, многие из наших учений, подтвержденных массой древних работ, но отрицавшихся в разные времена разнообразными профессорами, как это было показано, сталкиваются не только с заключениями современной науки и философии, но и даже с теми фрагментами из старых работ, к которым они обращаются за подтверждением. Мы можем лишь указать на определенные страницы некоторых старых индийских трудов, на Платона, на некоторых других греческих классиков, подтверждающих некоторые из наших эзотерических доктрин, смотри...

"Люцифер", апрель 1891 г.

* Мы считаем, что баснословные суммы, расходуемые на христианские миссии, чья пропаганда дает такие вредоносные безнравственные результаты и привлекает лишь немногочисленных ренегатов, имеют ввиду лишь политические цели. Цель этих миссий, которые, как в Индии, должны быть "терпимыми" (цит.), по-видимому состоит в том, чтобы отвратить людей от их древних религий в большей степени, чем обратить их в христианство, и это делается для того, чтобы затушить в них всякую искру национального чувства. Когда дух патриотизма в народе умирает, его очень легко превратить в марионетку в руках правителей.
